

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ
— ПИЛТОВЕРА И ЗАУНА —

III. ВИКТОР

Последний
здоровый день

Константин Санжаровский

18+

Константин Санжаровский

III. «Последний здоровый день»

«Автор»

2026

Санжаровский К. С.

III. «Последний здоровый день» / К. С. Санжаровский —
«Автор», 2026

Виктор находит в старой тетради фразу, написанную собственным почерком за несколько лет до начала болезни: «Сегодня был последний день, когда ты был здоров». Следующие записи предсказывают новые симптомы. Каждая попытка нарушить предсказание лишь заставляет реальность искать другой путь к тому же результату. Но однажды в тетради появляется обещание: завтра Виктор снова будет здоров. Чтобы исполнить его, миру придётся переписать не только болезнь, но и всю жизнь, которую она определила. Самостоятельная история и третья часть цикла «Тёмные истории Пилтовера и Зауна». «Последний здоровый день» — неофициальный некоммерческий фан-проект, созданный с использованием интеллектуальной собственности Riot Games в рамках политики Legal Jibber Jabber. Riot Games не одобряет и не спонсирует эту работу.

Содержание

Глава 1. Последний здоровый день	5
Глава 2. Почерк	7
Глава 3. Семь секунд	9
Глава 4. Следующий симптом	11
Глава 5. Не читать дальше	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Константин Санжаровский

III. «Последний здоровый день»

Глава 1. Последний здоровый день

Виктор нашёл запись в тот момент, когда собирался выбросить тетрадь.

Она была старой, с обтрепавшимися углами и серой пылью в переплёте. Такие тетради он обычно не хранил. Мысль, если она чего-то стоила, должна была пережить бумагу: перейти в расчёт, схему, опыт. Остальное было лишь шелухой мышления.

Но эта тетрадь пахла Зауном.

Не в переносном смысле. Бумага действительно сохранила слабый запах сырости, машинного масла и чего-то металлического, похожего на кровь, хотя Виктор прекрасно понимал, насколько нелепо последнее сравнение.

Он листал страницы, стоя у стола. Ранние формулы. Расчёты простейших клапанов. Попытки усовершенствовать фильтры для воздуха. Детский почерк, постепенно становящийся его нынешним: тонким, нервным, торопливым.

На последней заполненной странице было написано всего одно предложение.

«Сегодня был последний день, когда ты был здоров».

Виктор перечитал его.

Потом ещё раз.

Под фразой стояла дата.

Она была поставлена за четыре года до того, как врачи впервые произнесли слово «прогрессирование».

За три года до того, как нога начала подводить его на лестницах.

За два года до первого приступа кашля с кровью.

Он сел.

Не потому что испугался. Так он позже объяснит себе. Просто нога болела после долгого дня.

Он поднёс страницу к лампе. Чернила выцвели одинаково. Нажим совпадал. Даже маленький крючок на букве, который он перестал писать несколько лет назад, был на месте.

Его почерк.

— Глупость, — сказал Виктор.

Лаборатория ответила привычным гулом приборов.

За стеной кто-то смеялся. В коридоре проехала тележка. Пилтовер жил так, будто мир состоял из вещей, которые можно измерить.

Виктор всегда любил его именно за это.

Он вырвал страницу.

И только тогда заметил, что на обороте есть ещё одна строка.

«Не читай следующую».

Виктор долго смотрел на неё.

Затем перевернул следующую страницу.

Она была пустой.

Он усмехнулся — почти с облегчением — и уже хотел закрыть тетрадь, когда в пальцах правой руки появилось лёгкое покалывание.

Один раз.

Второй.

А затем большой палец сам собой дёрнулся.

На пустой странице проступило едва заметное углубление, будто кто-то когда-то писал на листе поверх неё.

Виктор взял карандаш и осторожно провёл графитом по бумаге.

Серые линии начали проявляться.

«Завтра утром ты уронишь чашку».

Он смотрел на слова несколько секунд.

Потом положил карандаш.

Улыбка исчезла.

Виктор не верил в пророчества.

Поэтому первое, что он сделал, — решил проверить.

Глава 2. Почерк

Утром Виктор не пил чай.

Это казалось почти оскорбительно простым решением. Если запись утверждала, что он уронит чашку, достаточно было не брать чашку в руки. Ни судьбе, ни суеверию, ни собственному рассеянному телу не оставалось пространства для манёвра.

Он пришёл в лабораторию раньше Джейса, поставил трость к столу и занялся спектральным анализом чернил. Работа успокаивала. Она не требовала веры. Только аккуратности.

Возраст чернил соответствовал дате на странице с допустимой погрешностью. Бумага тоже. Признаков химического старения не было.

Виктор повторил опыт.

Результат не изменился.

К десяти часам появился Джейс, шумный, свежий и раздражающе здоровый.

— Ты ночевал здесь?

— Нет.

— Это был вопрос, на который обычно отвечают правдой.

Виктор не поднял головы.

— Тогда зачем спрашивать?

Джейс рассмеялся и направился к кофейнику.

Через несколько минут он поставил возле Виктора чашку.

— Я не просил.

— Именно поэтому я и принёс. Ты забываешь есть, пить и иногда дышать.

Виктор отодвинул чашку.

— Забери.

— Что?

— Чашку.

Джейс посмотрел на него, затем на чашку.

— Она тебя оскорбила?

— Джейс.

Тот пожал плечами, взял её и ушёл к своему столу.

Виктор почувствовал нелепое удовлетворение.

Одиннадцать двадцать семь.

Он сделал отметку в журнале.

В одиннадцать сорок две Джейс позвал его к экспериментальному стенду. Виктор поднялся. Нога отозвалась знакомой болью. Он сделал шаг, зацепился рукавом за край стола и услышал фарфоровый удар.

На полу лежала разбитая чашка.

Не та, которую принёс Джейс.

Старая лабораторная кружка, в которой Виктор держал карандаши.

Он смотрел на осколки.

Один карандаш медленно докатился до его ботинка.

— Ты в порядке? — спросил Джейс.

— Да.

— Выглядишь так, будто увидел призрака.

— Призраки не существуют.

— Хорошо. Значит, увидел что-то похуже.

Виктор присел, собирая осколки.

Порезал палец.

Кровь выступила быстро и ярко.

Внутри него что-то неприятно сжалось.

Вечером он отнёс лист специалисту Академии, не объясняя происхождения. Попросил сравнить почерк с десятком собственных заметок разных лет.

Ответ пришёл спустя два часа.

«Вероятность единого автора чрезвычайно высокая».

Виктор прочитал заключение и убрал его в ящик.

Там уже лежала тетрадь.

Он не хотел открывать её.

Но человек способен очень долго называть любопытством то, что на самом деле является страхом.

На следующей странице после растушёвки проступили новые слова:

«Через три дня ты перестанешь чувствовать два пальца».

Он посмотрел на правую руку.

Пошевелил пальцами.

Все пять слушались.

В нижней части страницы был нарисован маленький знак: круг, перечёркнутый тремя короткими линиями.

Виктор никогда не видел его раньше.

По крайней мере, так ему казалось.

Глава 3. Семь секунд

Механизм принёс мальчишка из Нижнего города.

Не Экко — Виктор знал его имя, хотя они никогда не были близки, — а кто-то из тех детей, которые всегда возникали возле мастерских, если там пахло металлом, искрами и возможностью разобрать чужую вещь.

— Сказали передать вам, — произнёс мальчик.

— Кто?

— Не знаю.

— Тогда откуда ты знаешь, кому?

Мальчик пожал плечами.

— На коробке было написано.

Коробки не было.

Виктор хотел продолжить расспросы, но мальчишка уже убежал по лестнице.

На ладони остался маленький круглый прибор, похожий на обломок карманного хронометра. Корпус был грубым, явно собранным в Зауне. Внутри, однако, находилась работа куда более тонкая: несколько шестерён, миниатюрная пружина и неизвестный стабилизирующий элемент.

На внутренней кромке стабилизирующего элемента едва читалась маркировка Н-17.

На задней крышке была процарапана буква Е.

Виктор включил прибор.

Стрелка пошла.

Через минуту он заметил несоответствие.

Он сверился с лабораторным хронометром.

Прибор отставал на семь секунд.

Виктор отрегулировал его.

Через десять минут отставание снова составило семь секунд.

Он заменил пружину.

Семь секунд.

Разобрал устройство полностью и собрал заново.

Семь секунд.

— Забавно, — сказал Джейс, наблюдая за ним. — Ты выглядишь оскорблённым.

— Оно нарушает собственную механику.

— Тогда выбрось.

Виктор поднял глаза.

— Именно поэтому ты никогда не станешь хорошим учёным.

— Я один из создателей Хекстека.

— Несмотря на это.

Джейс ушёл, смеясь.

Виктор продолжил наблюдение.

В полночь прибор впервые остановился.

Все остальные часы в лаборатории продолжали работать.

Стрелка замерла.

Семь секунд спустя погас свет.

Аварийное питание включилось почти мгновенно.

Виктор посмотрел на устройство.

Стрелка снова двигалась.

На столе рядом лежала тетрадь.

Он не помнил, чтобы доставал её из ящика.
Она была открыта.
На странице появилась новая фраза:
«Не позволяй семи секундам стать семью днями».
Под ней — тот же перечёркнутый круг.
Виктор медленно сел.
На этот раз он не стал говорить себе, что всё можно объяснить.
Вместо этого сделал то, что делал всегда, когда сталкивался с невозможным.
Начал вести журнал.
00:14 — механизм отстаёт на семь секунд.
00:31 — механическая регулировка результата не дала.
00:47 — неизвестная фраза в тетради.
00:52 — он написал последнее наблюдение и замер.
В журнале строкой выше уже была запись.
Его почерком.
«01:03 — кашель, кровь».
На часах было 00:53.
Виктор не отрывал взгляда от страницы десять минут.
В 01:03 он почувствовал першение в горле.

Глава 4. Следующий симптом

Крови было немного.

Несколько тёмных капель на белом платке.

Когда подобное происходило раньше, Виктор раздражался. Болезнь была помехой, плохо спроектированной деталью собственного тела. Но теперь он смотрел на кровь иначе.

Она появилась по расписанию.

Он положил платок в стеклянный контейнер и подписал время.

01:04.

Разница в одну минуту казалась победой.

Через мгновение он понял, насколько жалкой была эта мысль.

На следующий день Виктор отменил встречи и запер лабораторию. Он составил список возможных объяснений: подделка, забытая запись, воздействие вещества, нарушения памяти, совпадение, намеренное внушение, неврологические симптомы, вмешательство третьего лица.

Слово «пророчество» он не написал.

Каждую гипотезу можно было проверить.

К полудню осталось три.

К вечеру — одна.

«Нарушение памяти».

Виктор ненавидел её больше остальных.

Тело могло предать его. Он давно это принял. Но разум принадлежал ему.

Он установил возле рабочего места камеру.

Каждый лист тетради поместил в отдельную прозрачную оболочку. Закрыв всё в металлический контейнер, ключ оставил у Джейса и потребовал не возвращать до утра.

— Зачем?

— Эксперимент.

— Над чем?

— Над собой.

Джейс перестал улыбаться.

— Виктор.

— Просто возьми ключ.

Утром правая рука была в порядке.

До полудня тоже.

В два часа Виктор почувствовал онемение мизинца.

В 14:18 — безымянного пальца.

Он ткнул иглой в кожу.

Ничего.

Провёл выше.

Боль появилась только у основания пальцев.

Виктор записал результат.

Предсказание сбылось.

Но тетрадь всё это время была заперта.

Он потребовал у Джейса ключ.

— Сначала скажи, что происходит.

— Я уронил чашку.

— Это всё?

— Нет.

Виктор показал руку.

Джейс нахмурился.

— Это твоя болезнь.

— Возможно.

— Тебе нужен врач.

— Мне нужен ключ.

Через несколько минут металлический контейнер был открыт.

Тетрадь лежала внутри.

Новая страница оказалась заполнена.

«Ты будешь считать это болезнью, потому что болезнь проще».

Ниже:

«Через пять дней ты найдёшь женщину, которая прожила семь суток за шесть».

И ещё ниже:

«Не спрашивай Хеймердингера о знаке».

Виктор почувствовал странный холод.

Именно эту фразу он перечитал трижды.

Не потому что боялся Хеймердингера.

Потому что до этого момента он никому не рассказывал о символе.

Глава 5. Не читать дальше

Человек, получивший запрет, почти всегда превращает его в приглашение.
Виктор знал это о людях и считал одним из слабейших свойств человеческого характера.
Теперь ему пришлось признать, что сам он ничем не лучше.
Он не спросил Хеймердингера о знаке.
Вместо этого отправился в архив Академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.